

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»

<https://su-journal.ru>

2025, № 8 / 2025, Iss. 8 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.2

Сравнительный анализ языковых маркеров в дипломатическом медиадискурсе в рамках китайского и русского языков

¹ Чжан И

¹ *Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы*

Аннотация: настоящая работа нацелена на исследование лексико-семантических и прагматических языковых маркеров дипломатического медиадискурса России и Китая. Выбранная цель обуславливается тем, что такие языковые маркеры являются важными для построения и понимания смыслов в процессе межгосударственной коммуникации. В процессе работы нами решались такие задачи, как анализ научной литературы в области дипломатического медиадискурса, выявление и систематизация лексико-семантических и прагматических языковых маркеров и проведение сравнительного анализа с выявление значимых для понимания сходств и отличий. Методологическим аппаратом послужили такие научные методы, как лексико-семантический и прагматический анализы текстов дипломатического медиадискурса на обоих языках, а также сравнительный анализ. Результаты показали, что лексико-семантические языковые маркеры китайского и русского языка имеют как схожие, так и отличные элементы реализации. При этом прагматика обоих видов дискурса несет в себе значительные различия. При рассмотрении таких прагматических элементов, как степень прямоты сообщения, категории “я – мы – ты – вы – они”, а также так называемой “стратегий сохранения лица”, было выявлено, что китайский дипломатический медиадискурс строится на принципах косвенности, сохранения лица и гармонии, а русскоязычный – на принципах прямоты, логичности и принципиальности. Полученные нами результаты могут стать основой в создании учебных материалов для студентов, обучающихся по таким направлениям, как “Международные отношения”, “Востоковедение” и “Межкультурная коммуникация”.

Ключевые слова: дипломатические языковые маркеры, китайский язык, русскоязычный дискурс, фигуративный язык, стратегии коммуникации, принципы дипломатического дискурса

Для цитирования: Чжан И Сравнительный анализ языковых маркеров в дипломатическом медиадискурсе в рамках китайского и русского языков // Современный ученый. 2025. № 8. С. 187 – 193.

Поступила в редакцию: 5 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июня 2025 г.; Принята к публикации: 18 июля 2025 г.

Comparative analysis of language markers in diplomatic media discourse in the Chinese and Russian languages

¹ Zhang Yi

¹ *Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba*

Abstract: the present work is aimed at studying the lexical-semantic and pragmatic linguistic markers of the diplomatic media discourse of Russia and China. The chosen goal is due to the fact that such linguistic markers are important for constructing and understanding meanings in the process of interstate communication. In the course of

our work, we solved such problems as analyzing scientific literature in the field of diplomatic media discourse, identifying and systematizing lexical-semantic and pragmatic linguistic markers and conducting a comparative analysis with the identification of similarities and differences that are significant for understanding. The methodological apparatus included such scientific methods as lexical-semantic and pragmatic analysis of diplomatic media discourse texts in both languages, as well as comparative analysis. The results showed that the lexical-semantic linguistic markers of the Chinese and Russian languages have both similar and different elements of implementation. At the same time, the pragmatics of both types of discourse bears significant differences. When examining such pragmatic elements as the degree of directness of the message, the categories “I – we – you – you – they”, and the so-called “face-saving strategies”, it was revealed that the Chinese diplomatic media discourse is built on the principles of indirectness, face-saving and harmony, while the Russian-language one is built on the principles of directness, logic and integrity. The results we obtained can become the basis for creating teaching materials for students studying in such areas as “International Relations”, “Oriental Studies” and “Intercultural Communication”.

Keywords: diplomatic language markers, the Chinese language, Russian-language discourse, figurative language, communication strategies, principles of diplomatic discourse

For citation: Zhang Yi Comparative analysis of language markers in diplomatic media discourse in the Chinese and Russian languages. Modern Scientist. 2025. 8. P. 187 – 193.

The article was submitted: April 5, 2025; Approved after reviewing: June 3, 2025; Accepted for publication: July 18, 2025.

Введение

Развитие взаимоотношений между Россией и Китаем на современной политической и социально-экономической арене является важным основанием для изучения дипломатического медиадискурса, реализуемого на русском и китайском языках, что делает настоящее исследование действительно актуальным.

Изучая дискурс, важно отметить, что он представляет собой реальное использование языка в рамках определенных социокультурных и коммуникативных установок, а его реализация рассматривается не только как целенаправленное социальное действие со стороны коммуникантов, но и как продукт их действия, являющийся необходимым компонентом для взаимодействия между участниками коммуникации [10]. При этом поскольку и действие, и его продукт обусловлены социально-культурными установками той или иной коммуникативной среды, они обладают присущими только им вербальными и невербальными коммуникативными маркерами, необходимыми для понимания социальной действительности [4, 7].

Существуют различные классификации дискурса в зависимости от медиатора и сферы его реализации [1, 2, 8]. Так, в современной действительности коммуникация осуществляется не только в рамках прямого контакта между коммуникантами или живого выступления со сцены, но и посредством различных медиаторов в рамках теле- и радиовещания, а также посредством онлайн-пространства. В связи с этим существует такой подвид дискурса, как медиадискурс, представля-

ющий собой совокупность процессов коммуникации и их продуктов, реализуемых в области средств массовой информации [3, 4, 6].

К медиадискурсу относятся такие продукты коммуникационной деятельности, как статьи, репортажи, отчеты, колонки в изданиях, интервью, новостные выпуски и прочее [5, 9]. При этом они могут создаваться посредством любой среды в рамках средств массовой информации, включая как печатные издания, программы теле- и радиовещания, а так и ресурсы сети Интернет [9, 11].

В связи с тем, что медиадискурс подвержен постоянным изменениям контентной составляющей, его основными чертами являются актуальность и динамичность содержания, его насыщенность информацией [2, 12]. Несмотря на это, сам процесс и содержание коммуникации передаются посредством установленных вербальных и невербальных маркеров, облегчая построение текста для адресанта и понимание содержания для адресата [1, 4, 8].

Настоящая работа посвящена изучению языковых характеристик дипломатического медиадискурса, т.е. дискурса, относящегося к медиасфере и реализуемого в рамках международных отношений на межгосударственном уровне [2, 5]. Сам по себе дипломатический дискурс представляет собой коммуникацию на внешнеполитическом или межведомственном уровне, а его основной функцией является реализация внешней политики государства, а также коммуникативное пространство внешнеполитических отношений, а его основной функцией является осуществление и поддержание этих связей [3, 7].

Одновременно, как и любой другой институциональный дискурс, дипломатический медиадискурс обладает определенной совокупностью языковых и культурных практик, отражающих главную цель коммуникативных взаимоотношений в рамках социального взаимодействия [1].

Дипломатический дискурс без опоры на сферу его реализации может быть представлен в двух формах – открытой (публичной) и закрытой (приватной). Первая содержит в себе публичные выступления высших государственных чиновников, пресс-конференции и выступления послов и дипломатов, распространяемые посредством СМИ, а вторая – закрытые совещания высших государственных чиновников [2, 3]. Как правило, открытая форма распространяется и транслируется публично через средства массовой информации, то есть в сфере медиадискурса, который является объектом настоящей работы.

Как уже было указано выше, каждому дискурсу присущи его собственные языковые и культурные практики, которые могут выражаться посредством определенных языковых маркеров, помогающим при создании и распознавании смыслов. Такие языковые маркеры представляют собой лексические единицы и целые конструкции для выражения конкретных значений в качестве вербальных индикаторов социальных и культурных маркеров коммуникации [4].

Предметом настоящей работы стали лексико-семантические и прагматические языковые маркеры, обусловленные использованием специализированных лексических конструкций, терминологии и определенных коммуникативных стратегий, присущих данному виду дискурсу.

Цель настоящей работы заключается в проведении сравнительного анализа существующих языковых лексико-семантических и прагматических маркеров в русском и китайском дипломатическом дискурсе и выявлении значимых для взаимного понимания сходств и отличий. Выбор такой цели исследования обусловлен необходимостью дальнейшего укрепления взаимоотношений между двумя сторонами, которое может быть достигнуто путем более глубокого понимания созданных смыслов на коммуникативном уровне.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие задачи: (1) анализ научной литературы в области дипломатического медиадискурса на обоих языках, (2) выявление и систематизация лексико-семантических и прагматических языковых маркеров и (3) проведение сравнительного анализа с выявлением значимых для понимания сходств и отличий.

Соответственно, нами были выбрана комплексная методология, включающая в себя анализ научной литературы в отношении объекта исследования, лексико-семантический и прагматический анализы текстов дипломатического дискурса в сфере средств массовой информации, сопоставительный и дескриптивно-аналитический подходы.

Результаты, полученные в ходе настоящего исследования, могут стать основой для будущих научных изысканий в данной области, что отражает теоретическую значимость настоящей работы. При этом главным образом данная работа нацелена на получение результатов, применимых практически в рамках обучения студентов и сотрудников сферы международных отношений и дальнейшей коммуникации на межгосударственном уровне, что подчеркивает ее практическую значимость.

Нацеленность на выявление значимых для построения и понимания сходств и различий языковых маркеров дипломатического дискурса в обоих языках коммуникации отражает научную новизну данного исследования.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленной цели нами была использована комплексная методология. На первом этапе проводился анализ научной литературы в области дипломатического медиадискурса, необходимый для его описания и глубокого понимания.

Далее был проведен лексико-семантический и прагматический анализ текстов дипломатического медиадискурса, реализованного на русском и китайском языках.

На последнем этапе отобранный материал проходил сравнительный анализ, который был подкреплен дескриптивно-аналитическим подходом для выявления значимых сходств и различий.

Результаты и обсуждения

Поскольку первым этапом настоящего исследования является анализ научной литературы и описание дипломатического медиадискурса, реализуемого на русском и китайском языках, рассмотрим ключевые аспекты, выявленные в ходе настоящего анализа. Однако перед этим необходимо отметить, что дискурс как социально-коммуникативное явление характеризуется такими элементами, как участники коммуникации, жанры и стиль речи, которые и будут рассматриваться далее. Данный набор элементов обуславливается тем, что дипломатический медиадискурс, как уже упоминалось во введении настоящей работы, является институциональным, что отражается в статусно-ролевых отношениях его участников [7, 9].

Так, сравнивая русскоязычный и китайский дипломатические медиадискурсы, можно выделить некоторые ключевые аспекты. Система коммуникантов в данном виде дискурса на обоих языках обладает сложной таксономией связей в связи с тем, что сферой его реализации является медиасреда.

Так, адресант может быть выражен как самим государственным служащим, порождающим текст, так и изданием средств массовой информации, передающим содержание первоначального текста в косвенной форме, что может изменить его жанр, а также повлиять на включение и исключение из него тех или иных языковых и культурных маркеров [3, 9].

Говоря об адресате, он может быть представлен как вторым государственным служащим или группой служащих, являющихся непосредственными участниками коммуникации, так и слушателями/зрителями/читателями источника СМИ, что также отражается на восприятии содержания [2, 10, 11].

При этом как в русском, так и в китайском языках, тексты могут быть как в устной форме (декларации, меморандумы, заявления и прочее), так и в устной (встречи, визиты, переговоры, пресс-конференции и другое), которые также могут излагаться в косвенной форме через СМИ [5, 9].

При этом дипломатические тексты часто насыщены специальными лексико-семантическими формами, для реализации высокого стиля речи, с одной стороны, и для упрощения процесса конструкции и восприятия смыслов в сообщениях [6].

В первую очередь к таким лексико-семантическим формам можно отнести международные дипломатические термины, образующиеся при помощи калькирования с английского, французского, греческого или латыни. Данные языковые маркеры присущи как русскому языку, так и китайскому, неся в себе одинаковый смысл:

— **и-п-р-к-у-п-р-и-н-ц-и-п-ы** мирного сосуществования;

— **в-з-а-и-м-н-е-м-е-ш-а-т-е-л-ь-с-т-в-о** во внутренние дела друг друга;

— **в-з-а-и-м-н-е-м-е-ш-а-т-е-л-ь-с-т-в-о** от агрессии;

— **у-в-а-ж-е-н-и-е** территориальной целостности и суверенитета;

— **р-а-в-е-н-с-т-в-о** и взаимная выгода

При этом в процессе конструирования смысла частым явлением являются попытки воззвать к эмоциональному отклику посредством использования фигуративного языка, включая сравнения, метафоры, антитезы, эвфемизмы, противопоставления и прочие элементы, способные наиболее

точно передать сложный смысл путем переноса концептуальных связей.

Рассмотрим примеры на русском и китайском языках, в которых содержатся метафоры. Было выявлено, что одними из наиболее распространенных в данной сфере на обоих языках стали метафоры со следующими концептуальными связями: “СПОР – ВОЙНА”, “ПОЛИТИКА – ИГРА/ШАХМАТЫ” и “РАЗВИТИЕ – ПУТЬ/ПОЕЗДКА”.

— “Мы выводим реформы, открытость и взаимно выигрышное сотрудничество на более высокий уровень. Мы станем лучшей версией самих себя и сделаем мир лучше.”

— “中国外交部发言人汪文斌 18 日在例行记者会上表示, 东盟国家不是地缘 争夺的 “棋子”, 而是促进地区发展繁荣的重要 “棋手。” – “На очередной конференции 18 числа представитель МИД Китая Ван Вэньбинь заявил, что страны АСЕАН являются не «шахматными фигурами» в геополитической конкуренции, а важными «шахматными игроками» в содействии региональному развитию и процветанию.”

— “中美关系就像下围棋, 你死我活不是目的。” — “Китайско-американские отношения похожи на игру в го, где жизнь-смерть не является целью.”

Для смягчения смысла или замены табуированных лексических единиц на более социально приемлемые, и в русском, и в китайском языках используются эвфемизмы. При этом как это будет видно из примеров ниже, в обоих языках зачастую используют общепринятые языковые единицы для конструкции смысловых эвфемизмов, понятных обеим сторонам:

— “... «послужной список» и репутация Соединенных Штатов Америки, Великобритании, стран-членов Европейского союза в части обеспечения демократических прав и свобод у себя дома, а также на международной арене, мягко говоря, далеки от идеала”

— “Отказ от этого «дамоклов меч» надо было бы каким-то образом оформить”.

— “中方认为, 核武器是悬在人类头上的 «达摩克利斯之剑», 应该全面禁止并最终彻底销毁, 实现无核世界。” – “Китай считает, что ядерное оружие, «дамоклов меч», висящий над человечеством, должно быть полностью запрещено и со временем полностью уничтожено, чтобы мир освободился от ядерного оружия.”

Особую роль в дипломатическом дискурсе играют фразеологизмы, нацеленные на облегчение процесса конструирования и восприятия смыслов. В случае с китайским языком, подобную роль могут играть чэньюй (成语, chéngyǔ), устойчивые выражения из четырех иероглифов, глубоко связанных с философией и историей Китая:

— 千里之行，始于足下 – дорога в тысячу ли начинается с первого шага;

— 事实就是 – реально и практично, реалистический подход к действительности;

— 平衡增长 – увеличение в равномерном состоянии;

— 以强凌弱 – с помощью сильных обижать слабых;

— 一视同仁 – относиться ко всем как к равным;

— 不言而喻 □0 понятно без слов.

Важно отметить, что такие устойчивые выражения в лексикологической категоризации принято относить к классу идиом. При этом в русскоязычном дипломатическом дискурсе также используются идиомы, необходимые для более точной передачи сложных идей и значений. Например, идиома “золотая середина” означает компромисс, наиболее выгодный для всех участников ситуации.

Важно отметить, что знание идиоматики языка является необходимым для взаимного понимания участников коммуникации. В противном случае, попытка адресанта передать ту или иную образность наиболее точно может провалиться.

Рассматривая лексико-семантические языковые маркеры дипломатического медиадискурса, нельзя не упомянуть о так называемом “языке формул” (套话, tàohuà), широко распространенном в китайском языке, и куда менее используемом в русском.

Язык формул представляет собой устойчивый набор речевых конструкций, выполняющих функцию ритуальной вежливости. Основными его характеристиками является шаблонность, идеологичность, официальность и косвенность. Например,

— 一贯主张 – подчеркивание устойчивости позиции: последовательно

— 推动构建人类命运共同体 – выражение идеологической позиции: способствовать построению сообщества единой судьбы человечества.

Подобные языковые формулы (1) снижают риск быть неправильно понятыми, поскольку могут интерпретироваться только однозначно; (2)

отражают официальную позицию государства и партии; (3) сохраняют лицо интерлокутора или того, на кого нацелено сообщение.

Как мы можем увидеть из этого этапа исследований, китайский и русскоязычный медиадискурс обладает схожими лексико-семантическими маркерами языка. При этом специальная терминология, присущая данному виду дискурса, система эвфемизмов и метафорика высказываний построены одинаково в обоих языках. Такую схожесть этих лексико-семантических маркеров можно объяснить их конвенциональностью на глобальном уровне. Затруднение в понимании смыслов может вызвать идиоматика, поскольку именно она требует знания истории и культуры страны-коммуниканта. При этом важным элементом китайского дипломатического дискурса является язык формул, сведенный к минимуму в русском языке.

Перейдем к результатам анализа прагматических языковых маркеров. Нами сравнивались такие прагматические языковые маркеры, как степень прямоты сообщения, категории “я – мы – ты – вы – они”, а также так называемая “стратегия сохранения лица”. На прагматическом уровне были выявлены значительные различия.

При сравнении степени прямоты высказываний, русскоязычный дипломатический медиадискурс оказался более прямолинейным с содержанием мягкой критики и более открыто выраженной позиции в отношении происходящего. При этом в китайском дипломатическом дискурсе частым явлением оказались косвенные обороты и обходные конструкции, обусловленные стремлением смягчить негативные смыслы.

Категории включенности “я – мы – ты – вы – они” так же по-разному выражаются в русском и китайском дипломатических медиадискурсах. Если в русском языке возможны личностные обращения с использованием местоимений, а также выражения от первого лица, то в китайском языке выражения от первого лица максимально избегаются. Вместо них используется устойчивое выражение «наша сторона», «китайская сторона» (中方, zhōngfāng).

Поскольку дипломатический дискурс строится на принципе направленности к урегулированию конфликтов и взаимной вежливости, важным элементом является концепция сохранения лица (保面子, bǎo miànzi). Если для китайской стороны важным является сохранить репутацию (“лицо”) обеих сторон, что зачастую осуществляется путем избегания прямой критики и осуждения, русско-

язычная дипломатическая коммуникация допускает выражение открытого несогласия.

— “中方一贯主张通过对话协商解决分歧。” — “Китайская сторона последовательно выступает за разрешение разногласий путем диалога и консультаций” — используется косвенная форма с избеганием открытых объявлений;

— “希望有关方面本着建设性态度看待问题。”

— “Надеемся, что соответствующие стороны отнесутся к вопросу конструктивно” — выражается косвенная критика с позитивным оттенком;

— “Мы расцениваем эти действия как грубое нарушение международного права — выражено прямое обвинение без попытки смягчения”.

Таким образом, анализ прагматических языковых маркеров показал, что китайский дипломатический медиадискурс выражается с учетом таких концепций, как косвенность, сохранение лица и гармония. В противопоставление ему, русскоязычный дипломатический дискурс строится в рамках прямоты, логичности и принципиальности.

Поскольку такие различия связаны не только с самим языковым строем, но и с историей, культурой, философией и концепцией власти, их знание является необходимым для построения прочной и глубокой коммуникации на международном уровне.

Выводы

В рамках настоящей работы был проведен сравнительный анализ лексико-семантических и прагматических языковых маркеров русскоязычного и китайского дипломатических медиадискурсов, поскольку такие маркеры являются важным фактором для наиболее точного понимания сторон в рамках коммуникации.

Лексико-семантический анализ реальных текстов, принадлежащих к сфере дипломатического медиадискурса показал, что в обоих языках реализуются как схожие, так и отличные лексико-

семантические маркеры. Такие элементы, как специальная терминология, используемые метафоры и система эвфемизмов построены одинаково в обоих языках. Данная схожесть обуславливается конвенциональностью данных языковых маркеров на мировой политической арене.

При этом некоторые отличия содержатся на уровне идиоматических высказываний и так называемых языковых формул. В связи с тем, что в идиоматике отражается история и культура страны, их знание и понимание имеет особую важность. Так, в китайском языке такие идиомы часто выражаются посредством чэньюй, тогда как в русском дипломатическом дискурсе используемые идиомы более глобальны.

Также важным элементом китайского дипломатического дискурса является язык формул, сведенный к минимуму в русском языке, что может вызвать затруднение при понимании смыслов.

В ходе рассмотрения прагматических языковых маркеров были изучены такие, как степень прямоты сообщения, категории “я – мы – ты – вы – они”, а также так называемая “стратегия сохранения лица”. Анализ прагматических языковых маркеров позволил выявить, что основными принципами китайского дипломатического дискурса являются косвенность, сохранение лица и гармония, противопоставляющиеся прямоте, логичности и принципиальности русскоязычной дипломатической коммуникации.

В связи с тем, что причиной таких различий являются культура, философия, история и концепция власти, их понимание является основой для полноценной коммуникации на межгосударственном уровне. Важно отметить, что полученные нами результаты могут стать источником при создании учебно-методических пособий для студентов, обучающихся по таким направлениям, как “Международные отношения”, “Востоковедение” и “Межкультурная коммуникация”.

Список источников

1. Бубнова И.В. Топосы современной публичной западной дипломатии в контексте глобализации: специфика и цели // Политическая лингвистика. 2023. № 6 (102). С. 12 – 19.
2. Воронова Л.В., Уварова В.В. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-международников письменному дискурсу // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Серия: Педагогика. Психология. Философия. 2023. № 1 (29). С. 14 – 25.
3. Георгиева Н.Ю., Коршунова Н.Г. К становлению понятия “эмоциональная культура языковой личности переводчика” в дипломатическом дискурсе // Многоязычие в образовательном пространстве. 2023. Т. 15. №. 3. С. 300 – 310.
4. Зяблова О.А. Институционально-дискурсивные характеристики дипломатического и политического дискурсов: общие замечания // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 8 (146). С. 96. doi: 10.60797/IRJ.2024.146.80

5. И Лицунь Перевод метафор в современном дипломатическом дискурсе (на основе материалов русского, китайского и английского языков) // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. 2024. № 2. С. 60 – 72. doi: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-60-72
6. Игнатьева Т.В. Языковые средства реализации межкультурного взаимодействия и оценки политической конфронтации (на материале российского дипломатического дискурса) // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2023. № 4 (81). С. 118 – 126.
7. Ма Лимин. Сопоставительный анализ отглагольных существительных в русских и китайских дипломатических документах // Политическая лингвистика. 2024. № 4 (106). С. 324 – 331.
8. Осипчук О.С. Лингвистическая безопасность в процессе дипломатического перевода: Этический аспект // Современное педагогическое образование. 2023. № 5. С. 223 – 226.
9. Сунь Минцзе. Эвфемизмы в современном русском и китайском дипломатическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2024. № 2 (104). Р. 228 – 234.
10. Тахатрова С.С., Сиваева И. И. Жанровые характеристики цифрового дипломатического дискурса США // Казанский лингвистический журнал. 2024. Т. 7. № 1. С. 116 – 126. doi: 10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126
11. Ху Иунь. Краткий обзор исследований дипломатического дискурса в Китае // Политическая лингвистика. 2023. № 2 (98). С. 208 – 215.
12. Ян Линьлинь. К вопросу о дипломатическом дискурсе современного Китая // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 11. С. 61 – 67. doi: 10.24158/pep.2023.11.7

References

1. Bubnova I.V. Topoi of modern Western public diplomacy in the context of globalization: specificity and goals. Political linguistics. 2023. No. 6 (102). P. 12 – 19.
2. Voronova L.V., Uvarova V.V. Lingvo-methodological foundations of teaching written discourse to foreign students majoring in international relations. Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Pedagogy. Psychology. Philosophy. 2023. No. 1 (29). P. 14 – 25.
3. Georgieva N.Yu., Korshunova N.G. Towards the formation of the concept of “emotional culture of the linguistic personality of a translator” in diplomatic discourse. Multilingualism in the educational space. 2023. Vol. 15. No. 3. P. 300 – 310.
4. Zhablova O.A. Institutional and discursive characteristics of diplomatic and political discourses: general remarks. International Research Journal. 2024. No. 8 (146). P. 96. doi: 10.60797/IRJ.2024.146.80
5. Yi Liqun Translation of metaphors in modern diplomatic discourse (based on materials from Russian, Chinese and English). Bulletin of Moscow University. Series 22, Translation Theory. 2024. No. 2. P. 60 – 72. doi: 10.55959/MSU2074-6636-22-2024-17-2-60-72
6. Ignatyeva T.V. Language means of implementing intercultural interaction and assessing political confrontation (based on Russian diplomatic discourse). Bulletin of the Ryazan State University named after S.A. Yesenin. 2023. No. 4 (81). P. 118 – 126.
7. Ma Liming. Comparative analysis of verbal nouns in Russian and Chinese diplomatic documents. Political linguistics. 2024. No. 4 (106). P. 324 – 331.
8. Osipchuk O.S. Linguistic security in the process of diplomatic translation: Ethical aspect. Modern pedagogical education. 2023. No. 5. P. 223 – 226.
9. Sun Mingze. Euphemisms in modern Russian and Chinese diplomatic discourse. Political linguistics. 2024. No. 2 (104). P. 228 – 234.
10. Takhatrova S.S., Sivaeva I.I. Genre characteristics of the US digital diplomatic discourse. Kazan Linguistic Journal. 2024. Vol. 7. No. 1. P. 116 – 126. doi: 10.26907/2658-3321.2024.7.1.116-126
11. Hu Yun. Brief overview of diplomatic discourse studies in China. Political linguistics. 2023. No. 2 (98). P. 208 – 215.
12. Yang Linlin. On the issue of diplomatic discourse of modern China. Society: politics, economics, law. 2023. No. 11. P. 61 – 67. doi: 10.24158/pep.2023.11.7

Информация об авторе

Чжан И, аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6, 435359751@qq.com

© Чжан И, 2025